

DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-2-277-291

Соотношение национальной и этнической идентичности молодежи (на примере Санкт-Петербурга)*

З.В. Сикевич, Н.Г. Скворцов

Санкт-Петербургский государственный университет
Университетская наб., 7–9, Санкт-Петербург, Россия, 199034
(e-mail: sikevich@mail.ru; n.skvortsov@spbu.ru)

В статье на материале эмпирических исследований рассматривается соотношение национальной и этнической идентичности молодых жителей Санкт-Петербурга. Изложенный материал и выводы опираются на серию социологических исследований, проведенных в 1996, 2011 и 2019 годы лабораторией этнической социологии и психологии факультета социологии СПбГУ под руководством З.В. Сикевич. При этом учитываются данные других исследователей, занимающихся изучением аналогичной тематики в российских регионах. Представлена авторская интерпретация структуры национальной идентичности и типологии этнической идентичности. Отмечено наличие следующих форм соотношения национальной и этнической идентичности: доминирующая этническая идентичность, этнический радикализм, доминирующая национальная идентичность, этнонациональный радикализм, этническая и национальная индифферентность. Особое внимание уделено рангу национальной идентификации в системе групповых идентичностей и признакам общенациональной консолидации. С помощью контент-анализа рассмотрены символические интерпретации понятий «Россия», «гражданин» и «патриот». Отдельно анализируются выявленные в ходе исследований противоречия в национальной идентичности молодых людей. К наиболее значимым выводам отнесены следующие: 1) национальная (гражданская) идентичность доминирует над иными формами социальной идентификации молодежи; 2) конфессиональная идентичность в структуре социальных идентичностей занимает незначительное место, при этом фиксируется негативная дистанция в отношении представителей ислама; 3) этнический и этнонациональный радикализм характерен преимущественно для мужчин; 4) по сравнению с 2011 годом отмечена положительная динамика государственных установок и негативная динамика критического отношения к власти; 5) осознаваемая норма и установочное поведение молодежи не вполне согласуются; 6) гендерный фактор влияет на уровень и направленность как этнической, так и национальной идентичности.

Ключевые слова: этническая идентичность; национальная идентичность; молодежь; патриотизм; символика; консолидирующие признаки идентичности; толерантность; система ценностей

Исторический опыт свидетельствует, что существование и устойчивое развитие такого полиэтничного государства, как Россия, невозможно без наличия единой гражданской нации и соответствующего национального самосознания. Формирование национальной идентичности, основанной на осознании гражданской принадлежности, рассматривается сегодня как вопрос

* © Сикевич З.В., Скворцов Н.Г., 2020.

Статья поступила 14.02.2020 г. Статья принята к публикации 31.03.2020 г.

государственной важности. Президент Российской Федерации В.В. Путин подчеркивает: «Идентификация исключительно через этнос, религию в крупнейшем государстве с полиэтническим составом населения, безусловно, невозможна. Формирование именно гражданской идентичности на основе общих ценностей, патриотического сознания, гражданской ответственности и солидарности, уважения к закону, сопричастности к судьбе Родины без потери связи со своими этническими, религиозными корнями — необходимое условие сохранения единства страны» [15].

Особое место в формировании национальной (гражданско-государственной) идентичности отводится молодежи. Именно этой социальной группе в будущем предстоит выступить консолидирующей силой, которая способна не только проводить политику, направленную на достижение единства и согласия многочисленных народов, проживающих на территории страны, но и обеспечивать достижение общенациональных интересов. В связи с этим наблюдается значительный исследовательский интерес к формированию национальной идентичности молодежи, соотношению этнической и национальной идентичностей в сознании молодых россиян [7; 8; 9; 16; 23], в том числе на материале исследований, проведенных в разных регионах [2; 12; 13].

Отечественная обществоведческая традиция имеет свои особенности в трактовке базовых понятий «нация» и «этнос» и производных от них [10; 21]. До сих пор идут дискуссии по поводу соотношения терминов «этническое» и «национальное», «этническая идентичность», «национальная идентичность» и «гражданская идентичность». Категории «этническое» и «национальное» нередко используются как взаимозаменяемые, т.е. воспринимаются как почти синонимы. Вместе с тем определились разделяемые большинством специалистов теоретические инварианты, которых мы будем придерживаться [3; 4; 6; 17; 20]. Под *этнической идентичностью* мы понимаем осознание и переживание принадлежности к этнической общности или группе. Ее важнейшими элементами выступают символические представления о территории («родная земля»), языке («родная речь»), религии («правильной», «истинной»), этноистории, культурных традициях, а также этноним (самоназвание). Этническую идентичность отличают этноцентризм, а также характерные паттерны группового и индивидуального поведения [5; 11]. *Национальная идентичность* выражается в признании разделяемых базовых символов, составляющих основу солидарности граждан государства (нации). Если нация — это «историческая, культурная и социально-политическая общность людей в рамках государственного образования, находящаяся под единой суверенной властью, обладающая общим самосознанием и общими ценностями при сохранении культурной сложности» [22. С. 136], то к национальным символам следует отнести символы государственности и патриотизма (гимн, флаг, герб и т.д.), историко-культурные символы [14], язык как символическую среду национальной солидарности и символы повседневности (образа жизни).

Очевидно, что национальное не тождественно этническому и несводимо к нему. В индивидуальном и групповом сознании этническая и национальная идентичности сосуществуют и пересекаются. Индивид всегда выступает носителем поликультурной национальной (русской) и монокультурной этнической (русской, татарской, еврейской, осетинской и др.) идентичностей. Формирование системы символов, образующих идентичность, происходит в ходе первичной и вторичной социализации — как семейной, так и институциональной. Если в семейной социализации доминирует формирование этнического самоопределения, то основной задачей институционального воспитания является передача и интериоризация базовых символов национальной идентичности.

Гипотетически соотношение этнической и национальной идентичности может выражаться в следующих формах:

1. *Доминирующая этническая идентичность* — этническое самоопределение преобладает над национальным, национальный компонент сохраняется, однако носит второстепенный характер (например, «я прежде всего татарин, но и россиянин тоже»).
2. *Этнический радикализм* — этническая идентичность обретает агрессивный характер интолерантности, национальный компонент полностью отсутствует или не признается («я татарин и только татарин»).
3. *Доминирующая национальная идентичность* — национальное самоопределение преобладает над этническим, но этнический компонент сохраняется (например, «я прежде всего россиянин, но и татарин тоже»).
4. *Этнонациональный радикализм* — этническая и национальная идентичность присутствуют в форме националистических лозунгов типа «Россия — для русских» (например, «я — русский, и только русские и есть настоящие россияне»).
5. *Этническая и национальная индифферентность* — этническое и национальное самоопределение выражено слабо, не актуализируются в сознании и поведении (вероятно, эта форма соотношения этнической и национальной идентичности присутствует в сознании части граждан независимо от этнической принадлежности [18. С. 103–107]).

В чем проявляется специфика молодежи, если речь идет о соотношении этнической и национальной идентичности? Обратимся к данным нескольких исследований лаборатории этнической социологии и психологии факультета социологии СПбГУ, которые проводились с 1996 по 2019 годы на квотной выборке Санкт-Петербурга, и в качестве одной из квот выступал возраст (18–29 лет). В основу статьи положены данные 2019 года — 153 респондента (выборка квотная по полу, все респонденты — русские); для сравнения в ряде случаев привлекаются данные двух опросов населения Санкт-Петербурга (квотная выборка по полу, возрасту и уровню образования): 1996 года — 571

респондент (лица в возрасте 18–29 лет — 152 человек, 26,4% выборки) и 2011 года — 489 (126 человек, 25,8% выборки).

Ранг национальной идентификации в системе групповых идентичностей и признаки общенациональной консолидации

Как соотносятся на уровне установок респондентов национальная (гражданская) и этническая идентичность? Вопрос формулировался следующим образом: «В какой степени лично Вы чувствуете свою принадлежность к следующим группам?» (Табл. 1).

Таблица 1

Членство в социальных группах (средний ранг от 1 до 6)

Группы людей	В целом	Мужчины	Женщины
Граждане России	2,3	2,2	2,3
Русские	2,5	2,3	2,6
Петербуржцы	3,5	3,5	3,5
Славяне	3,8	3,7	3,9
Европейцы	4	3,9	4,1
Православные христиане	4,9	5,1	4,6

Ранг этнической и национальной идентичности респондентов практически совпадает (1–2 места). Третье место локальной идентичности, скорее всего, объясняется тем, что в выборке преобладали студенты (61,7%), примерно половина из которых были приезжими и еще не успели проникнуться духом города, типичным для коренных петербуржцев. Примечательно, что в опросе 2011 года, где в данной возрастной группе студентов было существенно меньше (23,9%), локальная идентичность заняла второе место после этнической (соответственно 2,2, 2,3 и 2,4). Принадлежность к славянскому и европейскому «миру» отличается незначительно (0,2 балла). В исследовании 2011 года европейская идентичность превышала славянскую (3,8 и 3,9). Некоторое усиление роли общеславянской принадлежности в 2019 году, видимо, обусловлено изменившейся внешнеполитической ситуацией и культивируемым в СМИ образами изоляции России. Последнее место заняла конфессиональная идентичность, что несколько противоречит утвердившемуся мнению о повышении роли традиционной религии в национальном самосознании русских. Возможно, это петербургская специфика, причем неизменная во времени. Во всех наших опросах, где фигурировал вопрос о членстве в социальных группах, религия всегда получала самый низкий ранг.

Ранжирование членства в группах выявило влияние пола респондентов. Если уровень национальной идентичности у обоих полов практически не различается, то этническая идентичность у мужчин более выражена, а женщины несколько больше ориентированы на конфессиональную идентичность, хотя и у них она занимает последнее место.

Понимание респондентами различий между национальной идентичностью («мы — россияне») и этнической идентичностью («мы — русские»), причем в пользу первой, показал ответ на контрольный вопрос о восприятии лозунга «Россия — для русских». Лишь 13,7% относятся к нему положительно (отрицательно — 71,8%, с безразличием — 14,5%). Сторонники лозунга объясняли свой ответ тем, что русские — государствообразующий народ и потому должны иметь преимущества перед «меньшинствами». Для противников этой идеологии характерны такие ответы: «лозунг оскорбляет нерусских граждан»; «Россию строили не только русские»; «у нас страна многонациональная»; «отношусь к другим так, как хочу, чтобы они относились ко мне». Представляется, что последнее мнение — точная и конкретная иллюстрация понятия «толерантности», которая особенно важна для России, где подавляющее число «меньшинств» являются коренными, что отличает Россию от стран ЕС, где меньшинства состоят главным образом из этнических мигрантов.

Примечательно, что на прямой вопрос «Русские и россияне — это одно и то же или нет?» 78,4% ответили отрицательно, 16,2% уклонились от ответа, а утвердительно высказались всего 5,4% респондентов.

Еще один контрольный вопрос, сформулированный в виде неоконченного предложения «То, что в паспорте нет графы национальность...», косвенно выявил соотношение этнической и национальной идентичности у участников опроса и подтвердил преобладание гражданского самосознания над этнической самоидентификацией. Большинство относится к отсутствию национальной графы в паспорте безразлично (48,1%) или положительно (33,7%), только 18,2% выразили недовольство по этому поводу («неправильно», «сомнительно», «странно», «шаг к развитию космополитизма»).

Те, кто поддерживает лозунг «Россия для русских», полагают, что «русские и россияне — одно и то же», и недоволен отсутствием графы «национальность» в паспорте — это на 87,9% мужчины «старшего» возраста (25–29 лет). Численность этой группы (условные «этноцентристы») колеблется в пределах 13–18% респондентов.

Что, прежде всего, объединяет граждан России независимо от национальной принадлежности? Согласно данным в Таблице 2, первое место занимает «русский язык», что вполне закономерно: все его носители понимают, что именно язык представляет собой базовую символическую среду как этнической, так и национальной идентичности. Это понимание особенно характерно для женщин, а мужчины — большие «государственники», что косвенно подтверждает и их ориентацию на гражданскую идентичность. Остальные факторы общенациональной консолидации, за исключением истории, сдвигаются на второй план как, по мнению респондентов, менее значимые для формирования единого чувства «мы». Примечательно, что такое же распределение было получено в

исследовании 2011 года, что свидетельствует об устойчивости признаков, объединяющих граждан России.

Таблица 2

Консолидирующие признаки национальной идентичности (средний ранг от 1 до 7)

Факторы	В целом	Мужчины	Женщины
Русский язык	2,8	3	2,6
Государство	3,3	3,1	3,5
Ценности, культура	3,5	3,6	3,5
История	3,8	3,7	3,8
Образ жизни	4,6	4,6	4,6
Мировосприятие	4,6	4,5	4,6
Природа	5,4	5,6	5,2

Россия в восприятии молодых петербуржцев

Что именно молодые петербуржцы вкладывают в понятие «Россия», мы выясняли посредством методики символических ассоциаций с последующим контент-анализом вербальных конструкторов. Эта методика дает возможность слегка приподнять «завесу» нормативных рефлексий и социального контроля. Вопрос был сформулирован так: «Напишите первые три слова, которые лично Вам приходят в голову, когда Вы слышите слово “Россия”». Такой же вопрос мы задавали и в 2011 году. В последнем исследовании стояла задача обнаружить динамику интерпретации этого понятия, и в целом символические коннотации России не слишком изменились (Табл. 3).

Таблица 3

Символика России (обобщенные данные контент-анализа)

Рубрики	2019, % ответов по рубрике	2011, % ответов по рубрике
Пространство, природа	26,1	27,1
Государственность	23,9	14,3
Негативные оценки	14,3	8,1
Позитивные оценки	12,6	20
Духовные ценности, культура	5,7	5,1
Персоналии	5,6	12,1
Географические понятия	5,1	6,2
Экономика	3,4	2
Образ жизни, быт	3,3	5,1

Наиболее примечателен тот факт, что Россия для опрошенных молодых петербуржцев — это, прежде всего, не государство, пусть даже и подкрепляющая самоуважение великая держава, а родная сторона, пространство, воспринимаемое в первую очередь эмоционально. Не случайно и то, что такие рациональные характеристики, как культура, экономика и образ жизни, даже

государственная атрибутика по числу ответов уступают природно-географическим и эмоциональным характеристикам (в совокупности положительных и отрицательных оценок: 26,9% в 2019 году и 28,1% в 2011-м).

Обратимся к наиболее интересным деталям отдельных рубрик, прежде всего, к самой объемной по числу мнений — природно-географической. Россия — «бескрайняя», «необъятная», ассоциируется с «ширью», «землей», «родными просторами» и «русским полем». Леса в символическом восприятии («рощи», «тайга», «рощи» и т.п., около 3%) преобладают над степью или равниной (менее 1%). В природный образ России включен ее «небесный цвет» и климатические особенности («мороз», «холод», «снег»). Животный мир представлен традиционным «медведем» (около 2%) и «журавлями». В обоих исследованиях у респондентов возникали практически те же ассоциации, что свидетельствует об устойчивости восприятия России в пространственном измерении и косвенно подтверждает идею Л.Н. Гумилева и его предшественников — философов Серебряного века — о географической детерминированности национального самосознания русских.

В отличие от исследования 2011 года атрибуты государственности в ответах 2019 года стали более многочисленными и имеют выраженную «державную» направленность. Так, Россия — «независимая», «мощная», «могучая», «непобедимая» и «священная», готовая «дать отпор врагам» и снискать «славу». Примерно в 3% ответов упоминается двуглавый орел, триколор и российский гимн. Такого рода ассоциации возникают главным образом у мужчин и этим отличаются от природно-географических атрибуций, где фактор пола незначим.

Еще одно отличие последнего исследования — превышение негативных оценок над позитивными: в 2011 году число положительных атрибуций превышало отрицательные примерно в 2,5 раза (Табл. 3). Позитивные оценки по содержанию в обоих исследованиях практически совпадают. С Россией ассоциируется «вера», «любовь», «широта души», «доброта». Россия — красивая, хлебосольная, гостеприимная и неповторимая. Негативные атрибуции характеризуют не столько родную страну или государство, сколько власть. Наиболее типичные ассоциации — бесправие, несправедливость, несвобода, воровство, коррупция и неравенство. Вместе с тем респондентам не чужда самокритика — они говорят о «разгильдяйстве», «бесшабашности», «агрессивности» и «разобщенности» людей.

В символическом восприятии респонденты не вполне осознанно разделяют три базовых для национальной идентичности понятия — Родину, государство и власть. Власть их скорее не устраивает, государство — держава — не столько реальность, сколько традиционный миф, подкрепляющий национальную гордость и самоуважение. Поэтому объектом патриотических чувств у большинства становится родина (21,1%), а также мифологизированный образ российского государства, но не государственная власть. В большинстве ассоциаций используется именно понятие «родина» («родная», «мать»,

«дом»), а не близкие по смыслу «отечество» или «отчизна». Представляется, что это отражает модальность данной категории для русского сознания (не случайно однокоренными являются понятия «народ», «роды» и «роженица»). С позиции этнопсихолингвистики это явный показатель того, что в народном сознании сложился женский образ страны (среди ответов появляется идиома «Русь-матушка»). Не случайно и то, что с Россией ассоциируются такие качества, как «вера» и «доброта», т.е. женские, а не мужские черты.

Значительно беднее, чем в исследовании 2011 года, представлены ассоциации в рубрике «персоналии». Если в первом исследовании с Россией ассоциировались, наряду с политиками, писатели, художники и ученые (в основном в ответах представителей старших возрастных групп), то в 2019 году Россию представляют исключительно политики — Путин, Петр Первый, Романовы и Сталин, что, видимо, косвенно свидетельствует о сокращении духовного багажа нынешней молодежи по сравнению с предыдущим молодым поколением. В отличие от более раннего исследования в ряду ассоциаций появилась рубрика «экономика», представленная газом, нефтью, якутскими алмазами и Газпромом, однако в целом с понятием «Россия» экономика связана крайне слабо.

Какие символы России оказались модальными в групповом портрете страны (Табл. 4)?

Таблица 4

Модальные ассоциации к слову «Россия» (названные более чем 5% респондентов)

Характеристики	2019, %	2011, %
Большая (огромная, просторы)	42,2	27,4
Держава (великая, сильная)	32,2	19,9
Родина	21,1	30,4
Природа	11,1	7
Красивая	10,1	4,8
Петербург	9,3	16,6
Коррупция	8,9	1,3
Москва	8,8	5,3
Путин	7,8	4,2
Широта души	6,6	1,9
Богатая	6,4	4,3
Бедная	5,6	–

Первые три места по числу характеристик в обоих исследованиях совпадают, хотя в 2011 году Россия чаще ассоциировалась с понятием «родина», а в 2019 году — с ее пространством и «державностью». В предыдущем исследовании по числу ассоциаций Петербург занял четвертое место, а в последнем опросе — лишь шестое, сравнявшись почти с Москвой, что объясняется преобладанием коренных петербуржцев в более раннем исследовании. Обращает на себя внимание большая частотность ассоциации «коррупция» и появление коннотации «бедная», которая в исследовании 2011 года отсутствовала.

Среди персоналий в 2011 году доминировали Петр Первый и Пушкин (6,7% и 6,1%), в последнем опросе их вспомнили, соответственно, 4,1% и 2,8% респондентов.

Таким образом, правомерно сделать вывод, что образ России в сознании респондентов, с одной стороны, стал более критичным, а, с другой стороны, носит более государственнический характер — это косвенное свидетельство роста уровня национальной идентичности. Фактор пола не оказывает заметного воздействия на ассоциации, за исключением восприятия государства (у мужчин) и положительных оценок (у женщин). Характерно, что в пространственно-географическом отношении ассоциации мужчин и женщин практически не различаются (43,1% и 40,9%). Символические ассоциации образа России чрезвычайно устойчивы, особенно природно-географические и эмоциональные — во всех наших исследованиях (1996, 2011 и 2019) они занимали ведущие места.

Гражданин России и патриот — кто это?

С учетом относительно высокой численности «государственников» среди респондентов важно было выяснить, какое содержание они вкладывают в понятия «гражданин» и «патриот». Респондентам были предложены незаконченные формулировки, начало которых звучало так: «Гражданин — это тот, кто...» и «Патриотом можно назвать того, кто...». Первое предложение закончили 100% респондентов, второе — 94,4% (Табл. 5).

Таблица 5

Понятие «гражданин» (контент-анализ ответов, в % ответивших)

Рубрики	%
Формальные признаки гражданства	36,8
Испытывает положительные чувства	27,4
Законопослушен, знает права и обязанности	15,8
Приносит пользу стране	4,4
Чувствует себя частью страны	4
Является носителем культуры своей страны	4
Негативно относится к гражданству	4,6

Более трети участников опроса приписывают понятию «гражданин» формальные признаки гражданства («имеет российский паспорт», «постоянно живет на территории России», «родился в России»). Почти 70% из числа тех, чьи ответы включены в данную рубрику, указали в качестве признака гражданства наличие российского паспорта. Примерно четверть респондентов интерпретируют это понятие в эмоциональном ключе: «гордится», «уважает страну» (10,3%), «любит и поддерживает», «неравнодушен к России» и т.п. В целом эмоциональное отношение как к этнической, так и национальной идентичности типично для участников большинства наших опросов, что

подтверждает известное положение об аффективной стороне идентичности. Примерно каждый седьмой-восьмой респондент интерпретирует категорию гражданства в правовом ключе («соблюдает законы», «знает Конституцию», «несет ответственность перед законом», «знает свои обязанности»). Остальные рубрики включают относительно небольшое число ответов. Гражданин — это тот, кто «является частью огромного государства», «часть могучей державы», «достойно представляет страну» и т.п.; «приносит пользу своей стране», «улучшает Россию своим трудом», «несет ответственность за свое государство» и др.; «знает историю России», «ценит творения дедов и прадедов», «соблюдает культурные традиции» и т.п. Следует обратить внимание на немногочисленные негативные коннотации, высказанные студентами-мужчинами: «боится государства», «не имеет базовых прав», «страдает от вороватых политиков», «бедно живет», «живет худо-бедно» и т.п. В целом пол влияет на ответы незначительно и проявляется только в интерпретации понятия «гражданин» в правовом аспекте: «законопослушание» как признак гражданства отмечают почти исключительно женщины.

Понятие патриотизма интерпретируется менее формально, хотя именно патриотизм выступает основой национальной идентичности (Табл. 6).

Таблица 6

Понятие «патриот» (контент-анализ ответов, в % ответивших)

Рубрики	%
Социальное поведение (действия)	38,3
Любовь к Родине	25
Другие положительные чувства	18,3
Знания (когнитивный аспект)	11,7
Развернутые определения	6,7

В отличие от категории «гражданин», в котором доминировали формальные признаки, отношение к понятию «патриот» значительно более эмоциональное. Более трети участников опроса вполне справедливо полагают, что патриотизм выражается, прежде всего, в делах. Наиболее типичные, преимущественно «мужские» ответы: «делает что-то на благо страны»; «готов жертвовать собой ради России»; «не оставит Родину в беде»; «готов отдать жизнь за свою страну» и т.п. О чувствах, свойственных патриоту, чаще говорят женщины: патриотизм проявляется, прежде всего, в любви к Родине, преданности ей, в национальной гордости, верности ее интересам, уважении к стране.

Патриот «отдает предпочтение своей стране, даже если условия жизни в других странах лучше, чем дома». Это человек, который «не только любит свою страну, но старается сделать ее лучше». Когнитивный аспект патриотизма присутствует лишь в каждом десятом ответе («знает историю», «знает традиции и придерживается их», «погружен в мир своей культуры» и др.).

Развернутые ответы несут в себе не только позитивный, но и негативный, критический заряд: в частности, «умеет объективно оценить не только достоинства, но и недостатки своей страны», «уважает страну, но не тех, кто ею правит», «любит кричать о том, какая Россия — хорошая, а другие страны — плохие».

Противоречия национальной идентичности

На первый взгляд при анализе массива ответов может возникнуть впечатление, что с формированием национальной идентичности молодежи все обстоит благополучно, и гражданское самосознание в целом доминирует над этнической самоидентификацией. Однако некоторые эмпирические данные этому противоречат. Так, 31% опрошенных всегда обращают внимание на национальность (этническую принадлежность) окружающих (на улице, в транспорте), 17,6% делают это, если окружающие им чем-то несимпатичны, и 40,6% национальность незнакомых людей не интересует (Табл. 7).

Таблица 7

Внимание к национальности окружающих (в % опрошенных)
(за 1996 и 2011 годы приведены общие данные по массиву)

Реакция	1996	2011	2019
Обычно да	28,4	26	31
Да, если они мне чем-то не симпатичны	19,1	22,4	17,6
Обычно нет	39,6	37,1	40,6
Трудно сказать	12,9	14,5	10,8

Характерно, что во всех трех опросах делали акцент на внешних признаках национальности скорее мужчины (1996: мужчины — 37,1%, женщины — 19,7%; 2011: 31,1% и 20,9%; 2019: 35,3% и 26,7%) и молодежь (1996: 1 и 2 варианты в возрастной группе 18–29 лет — 54,1%, старше 60 лет — 40,7%; 2011: 53,8% и 43,9%). Получается, что люди, сформировавшиеся в советский период, больше соответствуют европейской норме игнорирования этнических признаков, чем молодежь, воспитанная в постсоветские времена. В этом и состоит парадокс: прежняя система, нетерпимая к политическому инакомыслию, в сфере национальной политики успешно прививала так называемый «советский интернационализм», а интернационализм, если его извлечь из идеологической обертки, мало чем отличается от современной толерантности, поэтому бывшие советские люди, в отличие от своих детей и внуков, реже проявляют этноцентризм. Очевидно, что фиксация внешних признаков национальности проявляется лишь в случае акцентуации этнической принадлежности, в то время как для человека с доминирующей национальной идентичностью она должна играть незначительную роль.

Другое противоречие можно обнаружить, анализируя завершения незаконченного предложения «Президент России по национальности должен

быть...». Можно было бы предположить, что при высоком уровне развития гражданской идентичности национальность президента не должна играть роль, но это так лишь для половины опрошенных (52,3%), отметивших, что важнее национальности образование, честность и порядочность. 45,5% придерживаются иной, этноцентристской точки зрения: «только русский» («славянской национальности»), «православный христианин»). Примечательно, что уклонились от ответа лишь 2,2%, что косвенно свидетельствует о том, что молодые петербуржцы имеют по этому поводу сформированную точку зрения.

Не менее примечательны и два других продолжения незаконченных предложений, которые выявили конфессиональную нетолерантность у значительной части опрошенных. Так, треть респондентов (32,3%) отнеслась бы негативно к желанию близкой родственницы (дочери или сестры) выйти замуж за мусульманина и практически столько же (34,2%) выступают против того, чтобы в Петербурге построили еще одну мечеть. Эти данные противоречат заявленной национальной идентичности — ведь гражданами России являются не только христиане, но и представители других конфессий.

И, наконец, пожалуй, наиболее тревожный факт: 56,1% молодых петербуржцев хотели бы переехать в другую страну в случае предоставления им хорошо оплачиваемой работы. Предпочтительными странами эмиграции являются Канада, США, ФРГ и Швейцария. Не вызывает сомнения, что последняя установка слабо согласуется с декларируемым патриотизмом. Как объяснить это противоречие? Во-первых, сознание молодежи внутренне противоречиво, поэтому декларируемая норма может не совпадать с установками реального поведения. Во-вторых, ответы во многом зависят от постановки вопроса, и контрольные вопросы в форме проективных ситуаций позволяют преодолеть нормативную рефлексию и вызвать спонтанную реакцию. Возникает разрыв между тем, как быть должно, и тем, чего хочется, и этот разрыв в определенном смысле естественен. Следует отметить, что у женщин согласованность нормы и предполагаемого поведения выше, чем у мужчин.

Таким образом, проведенные исследования и анализ результатов позволяют сформулировать следующие выводы: в целом национальная (гражданская) идентичность доминирует над иными формами социальной идентификации молодежи, этническая идентичность имеет положительную направленность, а конфессиональная идентичность занимает незначительное место; отчетливо наметилась положительная динамика государственных установок и негативная динамика критического отношения к власти; осознаваемая норма и поведение у молодежи не вполне согласованы, причем пол влияет на уровень и направленность как этнической, так и национальной идентичности.

Информация о финансировании

Статья подготовлена при поддержке РФФИ. Проект № 19-011-00219.

Библиографический список

- [1] *Арутюнова Е.М.* Государственно-гражданская и этническая идентичность молодежи: общероссийский контекст и региональная специфика // *Россия реформирующаяся*: вып. 15 / Отв. ред. М.К. Горшков. М., 2017.
- [2] *Арутюнова Е.М.* Государственно-гражданская и этническая идентичности русской молодежи в Республике Саха (Якутия): динамика представлений // *Социологическая наука и социальная практика*. 2019. Т. 7. № 4.
- [3] *Васильева Л.Н.* Российская идентичность: правовые условия формирования // *Журнал российского права*. 2015. № 2.
- [4] *Горшков М.К., Тюрина И.О.* Синтез этнонационального и гражданского как основа российской идентичности // *Вестник РУДН. Серия: Социология*. 2018. Т. 18. № 1.
- [5] *Дробышева Л.М.* Идентичность и этнические установки русских в своей и иноэтнической среде // *Социологические исследования*. 2010. № 12.
- [6] *Дробышева Л.М., Рыжова С.В.* Гражданская и этническая идентичность и образ желаемого государства в России // *Политические исследования*. 2015. № 5.
- [7] *Евгеньева Т.В., Титов В.В.* Формирование национально-государственной идентичности российской молодежи // *Политические исследования*. 2010. № 4.
- [8] *Еремينا Е.В., Ретинкая В.Н.* Гражданская идентичность молодежи как приоритетное направление государственной политики // *Власть*. 2014. № 4.
- [9] *Кожанов И.В.* Гражданская и этническая идентичности личности: проблема взаимосвязи и взаимозависимости // *Современные проблемы науки и образования*. 2013. № 3.
- [10] *Козлов В.И.* Проблематика «этничности» // *Этнографическое обозрение*. 1995. № 6.
- [11] *Кочетков В.В.* Национальная и этническая идентичность в современном мире // *Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология*. 2012. № 2.
- [12] *Мадюкова С.А., Персидская О.А., Попков Ю.В.* Общенациональная и этническая идентичность молодежи этнических групп республик Сибири в сравнительной перспективе // *Знание. Понимание. Умение*. 2017. № 3.
- [13] *Муянова Б.М.* Национальное самосознание и этническая идентификация студентов Калмыкии // *Социологические исследования*. 2009. № 9.
- [14] *Поссель Ю.А.* Гражданская идентичность как фактор социальных ожиданий в восприятии исторического прошлого // *Интегративный подход к психологии человека и социальному взаимодействию людей*. СПб., 2016.
- [15] *Путин В.В.* Выступление на заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай» 19 сентября 2013 года // <http://www.kremlin.ru/events/president/news/19243>.
- [16] *Рожкова Л.В.* Идентичность современной студенческой молодежи // *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки: Социология*. 2010. № 2.
- [17] *Санина А.Г.* Формирование российской идентичности: гражданско-государственный подход // *Социологические исследования*. 2012. № 12.
- [18] *Сикевич З.В.* Этнические парадоксы и культурные конфликты в российском обществе. СПб., 2012.
- [19] *Сикевич З.В., Безрукова О.Н., Самойлова В.А., Поссель Ю.А.* Межэтническая семья в современной России. СПб., 2018.
- [20] *Скворцов Н.Н.* Формирование национальной идентичности в современной России // *Гуманитарий Юга России*. 2016. Т. 20. № 4.
- [21] *Тишков В.А.* Российский народ: история и смысл национального самосознания. М., 2013.
- [22] *Тишков В.А.* Российская полиэтничность в мировом контексте // *Вестник Российской нации. Спецвыпуск 2008–2016 (№ 51)*.
- [23] *Чеботарева Е.Ю.* Этническая идентичность молодежи в полиэтничной среде // *Вестник РУДН. Серия: Психология и педагогика*. 2012. № 1.
- [24] *Шпет Г.Г.* Введение в этническую психологию. СПб., 1996.

DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-2-277-291

Correlation of national and ethnic identity of the youth (on the example of Saint Petersburg) *

Z.V. Sikevich, N.G. Skvortsov

Saint Petersburg State University
Universitetskaya nab., 7–9, Saint Petersburg, 199034, Russia
(e-mail: sikevich@mail.ru; n.skvortsov@spbu.ru)

Based on the empirical research, the article considers the correlation of national and ethnic identities of the youth of Saint Petersburg. The authors' conclusions are based on a series of sociological studies conducted in 1996, 2011 and 2019 by the Laboratory of Ethnic Sociology and Psychology of the Faculty of Sociology of the Saint Petersburg State University under the guidance of Z.V. Sikevich and also on the data of other researchers studying similar issues in different Russian regions. The authors present their interpretation of the structure of national identity and typology of ethnic identities; consider the following forms of correlation of national and ethnic identities — dominant ethnic identity, ethnic radicalism, dominant national identity, ethno-national radicalism, ethnic and national indifference; focus on the rank of national identification in the system of group identities and on the indicators of national consolidation; use content analysis to identify the symbolic interpretations of the words 'Russia', 'citizen' and 'patriot'; analyze contradictions in the national identity of the youth. The article presents the following most important findings of the study: 1) national (civil) identity dominates other forms of social identification of the youth; 2) in the structure of social identities, confessional identity is insignificant, while there is negative distancing towards representatives of Islam; 3) ethnic and ethno-national radicalism is typical for men; 4) compared to 2011, the positive trend of statist attitudes and the negative trend of critical attitudes to power are obvious; 5) the perceived norm and attitudinal behavior of the youth are not quite consistent; 6) gender affects the level and type of both ethnic and national identity.

Key words: ethnic identity; national identity; youth; patriotism; symbolism; consolidating features of identity; tolerance; system of values

Funding

The research was supported by the Russian Foundation for Basic Research. Project No 19-011-00219.

References

- [1] Arutyunova E.M. Gosudarstvenno-grazhdanskaya i etnicheskaya identichnost molodyozhi: obshcherossiysky kontekst i regionalnaya spetsifika [State-civil and ethnic identity of the youth: The all-Russian context and regional specifics]. *Rossiya reformiruyushchayasya*. Moscow; 2017 (In Russ.).
- [2] Arutyunova E.M. Gosudarstvenno-grazhdanskaya i etnicheskaya identichnost russkoy molodyozhi v Respublike Sakha (Yakutiya): dinamika predstavleniy [State-civil and ethnic identity of the Russian youth in the Republic of Sakha (Yakut): Dynamics of representatives]. *Sotsiologicheskaya Nauka i Sotsialnaya Praktika*. 2019; 7 (4) (In Russ.).
- [3] Vasilieva L.N. Rossiyskaya identichnost; ppravovye usloviya formirovaniya [Russian identity: Legal conditions of development]. *Jurnal Rossiyskogo Prava*. 2015; 2 (In Russ.).
- [4] Gorshkov M.K., Tyurina I.O. Sintez etnonatsionalnogo i grazhdanskogo kak osnova rossiyskoy identichnosti [Synthesis of ethnic and civil as a basis for the Russian identity]. *RUDN Journal of Sociology*. 2019; 18 (1) (In Russ.).
- [5] Drobizheva L.M. Identichnost i etnicheskie ustanovki russkikh v svoey i inoetnicheskoy srede [Identity and ethnic attitudes of Russians in their own and different ethnic environment]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2010; 12 (In Russ.).

* © Z.V. Sikevich, N.G. Skvortsov, 2020.

The article was submitted on 12.02.2020. The article was accepted on 31.03.2020.

- [6] Drobizheva L.M., Ryzhova S.V. Grazhdanskaya i etnicheskaya identichnost i obraz zhelaemogo gosudarstva v Rossii [Civil and ethnic identity and image of the desired state in Russia]. *Political Studies*. 2015; 5 (In Russ.).
- [7] Evgenieva T.V., Titov V.V. Formirovanie natsionalno-gosudarstvennoy identichnosti rossiyskoy molodyozhi [Formation of the national identity of the Russian youth]. *Political Studies*. 2010; 4 (In Russ.).
- [8] Eremina E.V., Retinskaya V.N. Grazhdanskaya identichnost molodyozhi kak prioritethoe napravlenie gosudarstvennoy politiki [Civil identity of the youth as a priority of the state policy]. *Vlast*. 2014; 4 (In Russ.).
- [9] Kozhanov I.V. Grazhdanskaya i etnicheskaya identichnosti lichnosti: problema vzaimosvyazi i vzaimozavisimosti [Personal civil and ethnic identities: Issue of interconnection and interdependence]. *Sovremennye Problemy Nauki i Obrazovaniya*. 2013; 3 (In Russ.).
- [10] Kozlov V.I. Problematika “etnichnosti” [Issue of ‘ethnicity’]. *Etnograficheskoe Obozrenie*. 1995; 6 (In Russ.).
- [11] Kochetkov V.V. Natsionalnaya i etnicheskaya identichnost v sovremennom mire [National and ethnic identity in the contemporary world]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 18: Sotsiologia i Politologia*. 2012; 2 (In Russ.).
- [12] Madyukova S.A., Persidskaya O.A., Popkov Yu.V. Obshchenatsionalnaya i etnicheskaya identichnost molodyozhi etnicheskikh grupp respublik Sibiri v sravnitelnoy perspektive [National and ethnic identity of the youth from ethnic groups of the Siberian republics in the comparative perspective]. *Znanie. Ponimanie. Umenie*. 2017; 3 (In Russ.).
- [13] Munyanova B.M. Natsionalnoe samosoznanie i etnicheskaya identifikatsia studentov Kalmykii [National self-consciousness and ethnic identity of the Kalmyk students]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2009; 9 (In Russ.).
- [14] Possel Yu.A. Grazhdanskaya identichnost kak faktor sotsialnykh ozhidaniy v vospriyatii istoricheskogo proshlogo [Civil identity as a factor of social expectations in the perception of the historical past]. *Integrativnyy podkhod k psikhologii cheloveka i sotsialnomu vzaimodeystviyu lyudey*. Saint Petersburg; 2016 (In Russ.).
- [15] Putin V.V. Vystuplenie na zasedanii Mezhdunarodnogo discussionnogo kluba “Valday” 19 sentyabrya 2013 goda [Speech at the meeting of the Valdai International Discussion Club, September 19, 2013]. <http://www.kremlin.ru/events/president/news/19243> (In Russ.).
- [16] Rozhkova L.V. Identichnost sovremennoy studencheskoy molodyozhi [Identity of the contemporary student youth]. *Izvestiya Vyschikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy Region. Obshchestvennye Nauki: Sotsiologia*. 2010; 2 (In Russ.).
- [17] Sanina A.G. Formirovanie rossiyskoy identichnosti: grazhdansko-gosudarstvennyy podkhod [Formation of the ethnic identity: Civil-state approach]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2012; 12 (In Russ.).
- [18] Sikevich Z.V. *Etnicheskie paradoksy i kulturnye konflikty v rossiyskom obshchestve* [Ethnic Paradoxes and Cultural Conflicts in the Russian Society]. Saint Petersburg; 2012 (In Russ.).
- [19] Sikevich Z.V., Bezrukova O.N., SamoiloVA V.A., Possel Yu.A. *Mezhetnicheskaya semiya v sovremennoy Rossii* [Interethnic Family in Contemporary Russia]. Saint Petersburg; 2018 (In Russ.).
- [20] Skvortsov N.G. Formirovanie natsionalnoy identichnosti v sovremennoy Rossii [Formation of national identity in contemporary Russia]. *Gumanitarniy Yuga Rossii*. 2016; 20 (4) (In Russ.).
- [21] Tishkov V.A. *Rossiyskiy narod: istoria i smysl natsionalnogo samosoznaniya* [Russian People: History and Meaning of the National Self-Consciousness]. Moscow; 2013 (In Russ.).
- [22] Tishkov V.A. Rossiyskaya polietnichnost v mirovom kontekste [Russian multi-ethnicity in the global context]. *Vestnik Rossiyskoy Natsii*. 2008-2016; 51 (In Russ.).
- [23] Chebotareva E.Yu. Etnicheskaya identichnost molodyozhi v polietnicheskoy srede [Ethnic identity of the youth in the multi-ethnic environment]. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogy*. 2012; 1 (In Russ.).
- [24] Shpet G.G. *Vvedenie v etnicheskuyu psikhologiyu* [Introduction to Ethnic Psychology]. Saint Petersburg; 1996 (In Russ.).